

Глава 14. Предчувствие катастрофы

Хань Дун в полнейшем ступоре разглядывал синяки на собственных руках.

— Мать твою... Меня что, собака покусала?

— Дун-цзы, проснулся? — Су Цзинь вошёл в спальню, на ходу чистя зубы.

— У тебя в доме привидения завелись? — Хань Дун откинул одеяло и обнаружил такие же отметины на бедрах. — Стоит мне здесь заночевать, как я весь в синяках.

Но погодите... почему я без трусов?

Су Цзинь оглянулся, проверяя, нет ли рядом брата, и только тогда шепнул:

— Я же предупреждал: не пей столько. Уляжешься в одну постель с Сяо Мо — жди беды.

— Да в чём дело-то? Мы оба взрослые мужики, я же не приставать к нему собрался, — Хань Дун вспомнил, что эти синяки — дело рук Су Мо, который, видимо, щипал его всю ночь напролёт. От этой мысли стало и смешно, и досадно. Он подхватил валявшееся на полу бельё и начал одеваться.

— При чём тут «приставать»? Он спит очень чутко и терпеть не может храп. А ты по синьке наверняка выводил рулады. Глянь на свои руки — сразу поймёшь, сколько раз он пытался тебя заткнуть, — Су Цзинь вернулся в ванную, едва не столкнувшись в дверях с Су Мо. Су Мо посмотрел на старшего брата с такой ледяной пронзительностью, что он лишь недоуменно пробурчал: — Чего зыркаешь? Станный он какой-то.

Мрачный Су Мо вошёл в комнату. Увидев Хань Дуна, который с голым торсом увлечённо исследовал свои боевые шрамы, он поспешно отвёл взгляд и направился напрямик к шкафу.

— Твоя работа? — раздался за спиной голос Хань Дуна.

Су Мо даже не обернулся, сосредоточенно перебирая одежду. Внезапно Хань Дун с грохотом захлопнул дверь спальни. Су Мо на мгновение замер, его сердце предательски ёкнуло. Продолжая рыться в шкафу, он чувствовал угрозу, боясь, что Хань Дун вот-вот подойдёт сзади.

— Я тебя спрашиваю, — Хань Дун, видя, что парень упорно его игнорирует, просто развернул его за плечо.

Су Мо резко оттолкнул его руку, но, не удержав равновесия, повалился на кровать. Не успел он

вскочить, как Хань Дун навис сверху, пригвоздив его к матрасу.

Су Мо дернулся пару раз, но Хань Дун заблокировал его намертво:

— Сумеешь вырваться — сменю фамилию.

Лицо Хань Дуна было совсем близко — красивое, но с этой его фирменной, раздражающе-самоуверенной ухмылкой. Су Мо задыхался от ярости, он густо покраснел.

— С синяками на руках всё ясно. Но это, — Хань Дун кивнул на его бедро, — как объяснишь?

Су Мо покраснел ещё сильнее — не только от гнева, но и от жгучего стыда. Он отвернулся, не желая смотреть на обидчика.

— Покраснел? — Хань Дун прищурился. — С чего бы это?

Его слова окончательно вывели Су Мо из себя. Изловчившись, он со всей силы ущипнул Хань Дуна за руку. Тот поморщился от боли, выругался и наконец выпустил его.

Су Мо вскочил, решив, что пришло время расплаты. В ход пошли и кулаки, и ноги. Он загнал Хань Дуна в угол, а тот, как ни странно, даже пальцем его не тронул, только прикрывался.

— Всё, братан, виноват! Сдаюсь! Ай, больно же! Маленькая красавица, ну прости, больше не буду спрашивать!

Услышав это издевательское «красавица», Су Мо помрачнел. Он распахнул дверь и мощным пинком вышвырнул Хань Дуна в коридор, с грохотом захлопнув створку перед его носом.

— Тебя что... избили? — Су Цзинь с сомнением оглядел Хань Дуна, чья причёска теперь напоминала воронье гнездо.

Мать Су Мо, увидев полуголого гостя, поспешила на кухню:

— Старший, иди поговори с братом. Совсем мальчишку затерзал.

— Затерзал? — Су Цзинь впал в ступор.

Этот Хань Дун, который сам кого хочешь в бараний рог согнёт, оказался жертвой? От рук этого хрупкого мальчишки?

— Чего вылупился! — огрызнулся Хань Дун.

— Так тебе и надо, — отрезал Су Цзинь.

Су Мо пытался успокоиться, но в голове набатом стучали воспоминания о прошлой ночи: жаркое тело Хань Дуна за спиной, его тяжелое, неритмичное дыхание у самого уха и то, как этот бесстыдник бессознательно прижимался к нему во сне.

«Подонки! Наглец! Бесстыжий кобель!»

В те годы мало кто догадывался о возможности любви между мужчинами. Су Мо понимал, что Хань Дун просто перебрал с выпивкой, но сама ситуация была невыносимо неловкой. Он никогда ни с кем не встречался, и подобные прикосновения, пусть и случайные, заставили его сгорать от стыда и злости. Потому-то он и оставил на шкуре этого наглеца столько меток.

— Старший, что-то Хань Дуна давно не видно. Почему он заходить перестал? — спросила мать, расставляя товар на полках.

— Я звал его, но он ни в какую, — Су Цзинь прислонился к косяку, лениво поедая мороженое и поглядывая на брата, который сидел в наушниках.

— Может, Сяо Мо его тогда сильно обидел?

— Да ну, Дун-цзы не из обидчивых. К тому же, где наш Мо, а где он? Силы-то неравны, Хань Дун ему просто подыгрывал.

Су Мо всё слышал. Он смотрел в окно, непроизвольно выискивая в толпе взглядом знакомую фигуру.

«Пусть не приходит. Так даже лучше».

— Старший, поешь и сходи с матерью на оптовый склад.

— Зачем?

— Нужно муки и риса закупить, старые запасы совсем испорчены, — после налёта хулиганов лавка понесла убытки, к тому же они всё ещё были должны Хань Дуну немалую сумму.

Су Мо отложил наушники и жестами показал: «Я пойду с братом».

— Не нужно, побудь дома. Мне надо с ценами разобраться, поторговаться, чтобы уступили подешевле.

— Сяо Мо, скоро праздники, Хань Дун собирается на загородное пастбище. Звал меня с собой. Поедешь? — спросил Су Цзинь.

— Делом надо заниматься, а не по пастбищам шляться, — вставила мать.

Су Цзинь помрачнел:

— Мам, я сто лет никуда не выбирался. Хоть мир посмотрю.

Мать взглянула на безучастного Су Мо, вздохнула и сдалась:

— Ладно, но чтоб потом сразу за учебники.

— Конечно! — просиял старший. — Ну что, мелкий, поедешь?

Су Мо замаялся и качнул головой. Хань Дун его лично не приглашал, а навязываться он не привык.

Закат окрасил переулок в густые багряные тона. В лавке воцарилась уютная тишина, которую Су Мо так ценил. Но идиллию нарушил вошедший посетитель.

— Эй, немой, дай-ка пачку сигарет, — это был Тянь Чжуан, отец Сяоюя. От него за версту разило спиртным.

Су Мо не обиделся — к этому прозвищу он привык с детства. Он достал привычную марку, но сигареты из рук не выпустил, ожидая оплаты.

— Что, боишься — не заплачу? Пф-ф... — Тянь Чжуан нетвердой рукой вытащил из кармана толстую пачку денег. Су Мо опешил — сумма была приличная.

— Это, мать его, плата за мои рога... Ха-ха... зелененькие такие, — мужик пьяно рассмеялся, но в глазах заблестели слезы. — Дрянь такая...

Су Мо протянул сигареты. Когда их пальцы соприкоснулись, его прошила резкая вспышка. Перед глазами возникла жуткая картина.

Авария! Смерть мужа и жены! Одновременно!

Су Мо в ужасе уставился на мужчину. Тянь Чжуан вытер слезы и принялся неловко отсчитывать купюры:

— Слушай, немой, тут всё, что мы за эти годы вашей семье задолжали. Я всё помню. Возвращаю разом.

Он бросил деньги на прилавок и развернулся к выходу. Су Мо не мог просто смотреть, как тот уходит на верную смерть. Он выскочил из-за прилавка, схватил его за рукав и отчаянно затряс головой.

— Ты чего? Денег мало? Говорю тебе, не вздумай обманывать, у меня всё записано! Я хоть и пьяница, но не идиот! — Тянь Чжуан грубо оттолкнул парня к стеллажам и зашагал прочь.

Су Мо лихорадочно схватил листок и ручку, вывел кривые строки: «Не уходите, мне нужна ваша помощь!»

Он выбежал на улицу, но в дверях столкнулся с Хань Дуном.

— Ты куда так несешься?

Су Мо лихорадочно оглядывал улицу, пытаясь отыскать Тянь Чжуана. Хань Дун выхватил листок:

— Кто? Какая помощь?

«Ты не поймешь», — Су Мо в отчаянии нахмурился. Мужчины уже и след простыл.

Неужели это судьба? Неужели их время вышло?

Су Мо понуро вернулся в лавку. Хань Дун зашёл следом:

— Что случилось? Я помогу.

«Хань Дун, я говорил тебе, что предвижу беды. Ты веришь мне?» — написал Су Мо.

Хань Дун помолчал, а потом улыбнулся:

— Верю.

«Ложь. Твоя улыбка говорит об обратном», — Су Мо отвернулся к окну. Там, в сумерках, он

увидел маленькую, сгорбленную фигурку Сяюю. Сердце сжалось от боли. Он хотел помочь, но как убедить людей, если ты лишен голоса?

Бог наделил его даром предвидения, но отобрал возможность крикнуть об опасности.

— Я правда верю. Рассказывай, что ты увидел?

Су Мо посмотрел на Хань Дуна. В лучах заходящего солнца он выглядел серьезным, хотя всё ещё слегка отводил взгляд, выдавая внутреннее сомнение.

«Этому человеку и его жене грозит смертельная опасность. Тот мальчик на улице — их сын. Я должен их остановить».

— Какая опасность? — Хань Дун посерьезнел.

«Они будут ссориться прямо на дороге. И их собьет грузовик. Огромная фура».

Хань Дун видел, насколько четко Су Мо описывает детали. Скепсис ещё оставался, но тревога закралась в душу.

— Где они живут? Пошли, я с тобой.

Су Мо кивнул. Закрыв лавку, они поспешили к дому Тянь Чжуана, но застали там только ребёнка.

— Где родители? — спросил Хань Дун.

— Ушли. Опять ругались, — голос Сяюю звучал по-взрослому горько.

Су Мо подал знак Хань Дуну. Тот присел перед мальчиком:

— Пойдём с нами, найдём твоих папу и маму.

— Не хочу. Я их ненавижу, они только и знают, что орать друг на друга.

«Сяююй, послушай. Родители в беде. Только ты сможешь их успокоить и вернуть домой. Пойдем с нами, ладно?» — написал Су Мо.

Мальчик любил Су Мо — тот всегда угощал его сладостями. Он нехотя кивнул.

Видение Су Мо относилось к ночи, и он понимал: нужно найти их до наступления темноты. Они обыскали все переулки, все значные места, где мог ошиваться Тянь Чжуан, — пусто.

Хань Дун то и дело поглядывал на Су Мо. Если бы он не знал, что парень в здравом уме, он бы решил, что у того нервный срыв — настолько затравленно и лихорадочно он смотрел.

Смеркалось. Су Мо решительно махнул рукой в сторону Западной улицы — места будущей катастрофы.

— Братишка, мы куда? — спросил Сяюю.

— Ищем твоих родителей, — ответил Хань Дун и ободряюще сжал плечо Су Мо. Под ладонью он почувствовал, как тот дрожит от напряжения. — Всё будет хорошо.

Су Мо проклинал свой дар. Каждое видение терзало его как тяжелая болезнь, пока он не пытался что-то изменить.

Они добрались до Западной улицы. Су Мо, ориентируясь на картинку в памяти, вывел их к перекрестку. Место было глухое, безлюдное. И вскоре они их увидели — Тянь Чжуан и Цзинь Цзюань стояли на обочине и яростно кричали друг другу в лицо.

Хань Дун замер. Они действительно ссорились прямо у дороги!

«Сяюю, позови их».

— Не буду. Пусть кричат, — мальчик обиженно отвернулся.

Су Мо умоляюще посмотрел на Хань Дуна. Тот кивнул и пошёл к паре. Сяюю, несмотря на показное безразличие, искоса наблюдал за родителями.

— Эй! — крикнул Хань Дун, но в этот момент Тянь Чжуан с силой толкнул жену. Цзинь Цзюань, размазывая слезы, поднялась и в сердцах бросилась через дорогу.

Сердце Су Мо пропустило удар.

«Нет! Не смей! Только не на дорогу!»

— Стойте! Гляньте, кто пришёл! — Хань Дун прибавил шагу, но его голос утонул в оглушительном, пронзительном реве гудка. Тяжелая фура неслась прямо на них.

Супруги, сцепившись прямо посреди полосы, продолжали толкаться, не замечая ничего

вокруг. Они словно сами искали смерти.

Сяоюй не выдержал:

— Да перестаньте вы уже!

Родители услышали голос сына и замерли. Они обернулись, сделали шаг навстречу ребёнку... и в этот миг на них обрушилась стена металла.

Берегись! — крик Хань Дуна захлебнулся в грохоте удара.

Глухой, тошнотворный звук.

Мир Су Мо рухнул. Он мгновенно развернул Сяоюя к себе и зажал ему глаза ладонями. В ту же секунду Хань Дун крепко обхватил Су Мо со спины, прижав к себе и закрывая ему обзор своей рукой.

Время остановилось. Су Мо отчаянно молил небо, чтобы это оказалось сном.

Маленькое тельце Сяоюя задрожало. Мальчик судорожно, дюйм за дюймом, отвёл руки Су Мо от своего лица. Он обернулся и увидел своих родителей, неподвижно лежащих в луже густой, черной в свете фонарей крови.

— Папа... Мама... — мальчик всхлипнул, и по щекам покатились крупные слезы. — Вы что... бросаете меня?

<http://bllate.org/book/17506/1657532>